

Николай Петрович Вагнер

Дядя Пуд

Н. П. Вагнер
дядя ПУД

Не далеко и не близко, как раз в самой середине, и притом в самой дрянной деревушке, жил-был Дядя Пуд.

Когда он был ещё очень маленький, то только и умел, что разевать рот, а когда он его, бывало, разинет, да примется кричать, то даже все соседи затыкали уши и бежали в поле, а мать скорее совала ему ложку в рот и горшок каши в руки. Тогда Дядя Пуд ел кашу и молчал до тех пор, пока в горшке не оставалось ни крошки. Потом он принимался пыхтеть, кряхтеть, а затем снова разевал рот и начинал так кричать, что даже у всех окон в ушах звенело.

Когда он немного подрос, то всё кричал, как кошка:

— Мало, м-а-ало! — и сколько бы ни давали ему есть, — всё ему было мало.

Когда же он вырос совсем, то все соседи решились, что это был настоящий Дядя Пуд во сто пуд. Толстый, как бочка, голова, как арбуз, лицо красное, как свёкла, а волосы рыжие. Одним словом, он был прекрасный господин.

Беда только в том, что ему есть было нечего. Мать свою с отцом он давно схоронил, по-

тому что они совсем измучились, кормивши его, и наконец, умерли. А сам он ничего не умел делать.

Когда он пахал, то постоянно засыпал над сохой, а как, бывало, навалится на неё, так соха и уйдёт в землю по самые ручки. Принимался он и косить, да вместо того, чтобы по траве, всё больше косил себя по ногам. Принимался и молотить, да только, вместо хлеба, колотил себя цепом по лбу.

— Эх! — говорили мужики, — коли б ты ел руками, а молотил бы зубами, был бы ты богатеющий человек.

Давали ему соседи хлеба взаймы, давали, давали, да, наконец, и перестали. Раз пошёл он вместе со всей деревней к соседям на помочь.

— Ну! — говорят мужики. — Дядя Пуд идёт помогать: смотрите, братцы, как сядете за пироги, не плошайте, а то Дядя Пуд как раз поможет!

Ну, и действительно помог. Отправились мужики работать, а он отправился туда, где съестным пахло, да почти всё, что было припасено на угощение, прибрал дочиста. Все так

и ахнули: ни щей, ни пирогов, ни каши, ни потрохов, одни корки да крошки лежат.

— Ладно! — сказали мужики. — Нет тебе больше пощады, объел ты весь мир, ступай-ка теперь за это по миру, проедайся чем бог пошлёт. — И выгнали его вон из деревни в три метлы.

Пошёл Дядя Пуд побираться. Куда ни придёт, никто ему ничего не даёт.

— Видно, — говорят, — ты, дядюшка, с голоду распух, с холоду покраснел, проходи дальше, покудова цел!

Взвыл Дядя Пуд:

— Зачем, дескать, я на свет божий родился?! — Идёт он, идёт, еле ноги передвигает, идёт лесом, идёт полем, и дошёл, наконец, до моря.

— Некуда мне деться, — сказал Дядя Пуд. Пойду в море утоплюсь, всё милей, чем с голоду помирать.

А на море стоит корабль и все матросики-мореходы ахают да дивуются... Что это, братцы, к морю какая гора двигается! А сам их набольший, мореход-капитан, кричит Дяде Пуду:

— Эй, дядюшка, не хочешь ли ты балластом у нас быть? Камня нам неоткуда добыть, а нагрузиться надо, так ты вместо груза будешь в трюме лежать.

— Хорошо! — говорит Дядя Пуд, — это я могу, только дайте поесть, а лежатьничего, умеем.

И вот привезли Дядю Пуда на корабль. Положили в трюм, на самый низ. Ничего, нагрузили корабль как быть должно. Только вот чего не догадались, как Дядю Пуда кормить. Дали ему есть, и проглотил он свою порцию одним глотком, говорит: — Мало! Дали ему ещё, и ещё принесли, и ещё порцию, и ту проглотил, и так десять порций проглотил, и чуть не целого быка упрятал, а всё ему мало.

Ахают все да дивуются: где это у Дяди Пуда дно лежит?! а может быть, уж он так и устроен, что дна у него нет.

— Пойдите, — говорит мореход-капитан, — может быть, он и нас не объест, а разом нам две службы сослужит. Пусть он лежит себе грузом, а если случится несчастье, буря станет от берега отбивать нас, то будет он нам заместо мёртвого якоря.

А мёртвым якорем зовут такой тяжёлый якорь, который выбрасывают в бурю в море, чтоб на месте удержаться. И как уж раз его бросят, так вытащить его снова нет никаких сил, — так его и оставляют Морскому Дедушке на поминки! Согласился Дядя Пуд и мёртвым якорем служить.

Вот поплыли моряки. Только уж, видно, Дядя Пуд был и взаправду счастливый. Не успели они порядком от берега отойти, как налетела такая буря, что все паруса и снасти, как мочалки, порвало. Пришлось бросить мёртвый якорь.

— Ну! — говорят, — Дядя Пуд, служи свою службу, ступай к Морскому Дедушке в гости.

И вот привязали Дядю Пуда к самому большому якорю, а к якорю привязали самый толстый канат. Трудились, трудились все изо всех сил, и насилу-то удалось им сбросить Дядю Пуда с корабля в море. Шлёпнулся Дядя Пуд, так что даже море ахнуло и всё расплескалось. Окунулся Дядя Пуд, как будто настоящий мёртвый якорь, да вдруг взял да и всплыл, точно пробка.

— Ступай на дно, — кричат ему моряки, —

тони, мошенник ты этакой, ведь ты всех нас утопишь, акула ненасытная.

И Дядя Пуд изо всех сил старается, чтобы себя утопить, других спасти, барахтается он и так и сяк и ногами и руками, а всё прибыли нет. Плавает он по морю, носится по волнам, точно бочка с салом, и якорь тут же с ним.

— Ах ты, участь неминуемая, — плачет он, — и в мёртвые якоря-то я не гожусь. На какую только потребу я на свет божий произошёл!

А буря между тем разбила корабль в мелкие щепочки, все матросики потонули, и капитан вместе с ними, и даже канат, которым был привязан Дядя Пуд, лопнул.

И вот он плывёт по морю день и два, плывёт и целую неделю. На восьмой день показался вдали берег, а на берегу большой город, и несёт Дядю Пуда море прямо к этому городу.

А городские люди давно уже на берегу стоят, в море глядят, и никак не могут разглядеть, что за чудо морское плывёт к ним. Кто говорит бочка, кто кит, а кто сам чёрт, дедушка водяной. Наконец, стукнулся Дядя Пуд якорем в набережную, так что даже брызги поле-

тели. Причалил, значит, выгружайте.

Подивились люди, поахали, стали Дядю Пуда разгружать, от якоря отвязывать. И стал Дядя Пуд рассказывать им про свою горькую судьбину, бесталанное житьё.

— Сжальтесь, братцы, над христианской душой! — и поклонился Дядя Пуд до земли. — Накормите немощного, убогого, спасения своего ради!

— Ну, нет, брат, — сказал один бойкий дедина, — коли тебя кормить затем только, чтобы ты жил, так уж будет очень нескладно. Я лучше свинью стану кормить: сколько она у меня ни съест, всё по крайности пойдёт мне же на пользу. А я вот что тебе скажу: ступай-ка ты лучше на бойню, да продай себя на сало. Коли тебе дадут по копейке за пуд, так смекни, сколько рублей выйдет.

Задумался Дядя Пуд и пошёл на бойню.

— Авось, — думает, — там можно будет чем-нибудь поживиться!

Но не успел он и полдороги пройти, как съестным духом потянуло. Идёт-скрипит длинный обоз, всякой свежиной нагружен. Везёт он много добра и прямо к самому коро-

лю. А Дяде Пуду, — что до этого за дело? Увидал он, что одна свиная тушка плохо лежит, сейчас же цап её за ногу, да за спину. Но не успел он её хорошенько спрятать, как его самого сейчас же сцапали.

Схватили, скрутили, привели Дядю Пуда к судье.

— Дядюшка милостивый, — молит его Дядя Пуд, — ведь сколько дней я не емши!..

Никуда-то я не гожусь. Чем же я виноват?

— Этого я ничего не знаю, — говорит судья, — а сужу по закону. Ты украл свиную тушу, а в законе сказано: «Если кто-либо украдёт у кого-либо что-либо, что дороже верёвки, на которой его можно повесить, то его следует повесить высоко и коротко». — Эй! Палач!

А палач тут как тут. Словно из земли вырос. И повели Дядю Пуда вешать. Мальчишки бегут, народ бежит, солдаты в барабаны бьют. Ведут, тащат Дядю Пуда. Словно земляная глыба он катит, и весь народ на него дивуется.

— Господи! — думает Дядя Пуд. — Настал, наконец, мне грешному конец, успокоюсь я в земле сырой, моей кормилице.

Долго вешали Дядю Пуда. Ухали, ахали, три тысячи человек тянуло Дядю Пуда наверх, три тысячи подмогало им, наконец, подняли. Но только что подняли, оборвался Дядя Пуд. Да и какая верёвка могла бы удержать его, Дядю Пуда?!

Оборвался он, полетел. Бросился народ от страха во все стороны, точно его вихрем разметало. Грохнулся Дядя Пуд о землю. Охнула земля, расступилась.

— Матушка! — вскричал Дядя Пуд. — Прими ты меня!

Но не приняла его земля, отбросила. Высоко взлетел Дядя Пуд. Далеко летел и очутился наконец в чистом широком поле, где со всех четырёх сторон света сходятся дороги вместе.

Сидит там на перекрёстке, на трёх столбах, старушка-бабушка слепая, всем на картах ворожит, на бобах разводит. Подошёл к ней Дядя Пуд, низко поклонился.

— Поворожи, — говорит, — мне, бабушка, поворожи, милая, поворожи мне горемычному, где моя добрая доля лежит!

— Давно бы, милый человек, ко мне пришёл, — сказала слепая бабушка, и поворожи-

ла Дяде Пуду, и вышел Дяде Пуду червонный туз, и лежало в этом тузе сердце Дяди Пуда.

И только что выпал Дяде Пуду этот туз, как всё переменялось.

Пыль поднялась по дороге. Скачут, летят вершники-приспешники, едет золотая колымага самого короля. Остановилась колымага, растворились дверцы. Все кланяются Дяде Пуду и сажают его в колымагу, везут во дворец, к самому королю.

Там разодели Дядю Пуда в золото и бархат, посадили в передний угол, потчуют его всяким, печеньем, вареньем, кулебяками, пирогами, брагой и мёдом, пивом и заморским вином.

Ест, ест Дядя Пуд, ест не час, не два, не день, не три, и всё ему мало.

Тащат-везут во дворец всякого съестного добра, со всего королевства, и всё Дяде Пуду мало.

Заохал народ во всём королевстве.

Пришёл, наконец, и сам король смотреть на Дядю Пуда: дивуется, а за ним и все придворные тоже дивуются.

Созвал, наконец, король мудрецов со всего

королевства.

— Что это за чудо-юдо такое? — спросил король у мудрецов.

— Просто голодный дурак! — сказали мудрецы, — его же и море не поглощает, и земля не принимает.

— Да ведь он тяжёл! — вскричал король.

— Тяжёл! — повторили за ним все придворные.

— Тяжёл! — простонал народ.

— Тяжёл! — прозвенело эхо по всей земле.

— Но ведь он добр, и ему слепая бабушка ворожит! — вскричал король.

И тут все придворные тотчас увидели, что у Дяди Пуда настоящее червонное сердце; а что ему слепая бабушка ворожит, об этом они все давно догадались.

— Ну и решите, что с ним делать? — приказал король мудрецам.

Ну и сидят они, думают думу крепкую, думу тяжкую и до сих пор не могут решить и придумать, что сделать с Дядей Пудом.